

Встретиться с редактором журнала «Континент» Владимиром Максимовым оказалось на удивление просто. Объяснение этому было получено сразу же в начале разговора, когда мы пришли к нему с Борисом Никитиным, бывшим в числе тех, кто посетил писателя перед его вынужденным отъездом за рубеж, фактически — изгнанием с Родины, шестнадцать лет назад. Владимир Емельянович сказал, что на встрече с ним может рассчитывать любой, кто этого захочет. Так было, так есть, так будет в Париже, в Москве ли, в Брюсселе — где бы он ни жил. Наверное, это свойство характера, позиция — дверь его квартиры всегда открыта для людей.

— В связи с этим возникает вопрос: а если придут те, кого не хотелось бы видеть, кто был в числе гонителей, хулителей? Неужели не осталось в душе чувства горечи, обиды?

— Обид у меня нет. Человек, который ко мне приходит, даже самый заклятый враг, тут же меня разоружает: «И я сразу» ощущаю себя его должником: вот ведь — пришел, позвонил, а мы знаем, как трудно это сделать.

Но вот что удивительно: люди, которые участвовали в кампаниях против меня и других писателей, вынужденных в результате этого покинуть Родину, никак не хотят в том признаться, а упорно стараются представить дело так, будто все время бросались грудью на амбразуру. Лишь у нескольких человек хватило мужества публично заявить, что они были не правы. Это Ананьев, Лесневский, Идашкин, Рекемчук...

Я не употребляю громкого слова «покаяние», можно ведь просто сказать: «Ну было, ну что теперь поделаешь», — и я первым протяну руку и предложу все забыть. Но когда Александр Борщоговский, который сам рекомендовал меня в Союз писателей, а затем изгнал из него, называя литературным властелином, теперь пишет статьи о нравственности и морали, мне стыдно их читать.

— И все-таки вы приехали в Москву, хотя в «последнем эшелоне» тех, кто долгое время на Родине значился писателем-диссидентом, чье творчество находилось под запретом. Когда «распахнулись ворота» перед изгнанниками и многие из них вновь посетили родные края, в том числе члены редколлегии «Континента» Наум Коржавин, Василий Аксенов, Эрнст Неизвестный, вы не спешили с визитом, не «завоевывали» советские журналы. Что изменилось в вашей позиции?

— Если бы мне еще полтора года назад кто-то сказал, что я приеду в Москву, то я бы счел это довольно дурной шуткой. У меня не было эйфории по поводу начавшейся демократизации, гласности, впрочем, как и у всех, кто со мной сотрудничает.

Но после встречи и беседы с Андреем Дементьевым, который явился инициатором моего приезда сюда, я решил, что надо сделать шаг навстречу. Не хочется терять надежду, что начавшийся в стране общественный процесс — это тот самый джинн из бутылки, которого нельзя будет загнать обратно.

Надо сказать, что с положительными переменами, происшедшими в стране, я столкнулся в первые же минуты пребывания в Москве. Несмотря на визу, выданную мне посольством СССР в Париже, при пограничном контроле в «Шереметьево-2» оказалось, что в заложенных в компьютер списках (такие есть в каждой стране) я еще числюсь среди лиц, которым въезд в СССР категорически воспрещен. Однако пограничные власти вели себя в высшей степени корректно, все было выяснено и улажено в течение пятнадцати минут. Передо мной извинились и пожелали всего хорошего.

— Можете ли вы сказать, что сейчас вернулись домой? Или вы уже ощущаете себя французом, временно приехавшим на Родину, чтобы встретиться с родственниками и друзьями, посетить родные сердцу места, решить какие-то деловые вопросы?

— И в Париже, и в Брюсселе, куда сейчас перенесена штаб-квартира «Континента», я жил и живу русскими проблемами, русской литературой, читаю и говорю по-русски. Да и многочисленные посетители, которые у меня бывают, в основном русские или те, кто интересуется Россией.

Для моих детей, родившихся во Франции, французская культура, конечно, ближе, хотя русский язык они знают и литературу читают. Но для меня жизнь

о публикации моих произведений. Собираются напечатать роман «Семь дней творенья», из-за которого и изменилась моя судьба. Как будто его публикация начнется в «Октябре» с шестого номера. Выйдет роман также в издательстве «Столица», уже подписан контракт. Там же выйдут «Карантин» и «Прощание из ниоткуда». Интересуются моими произведениями такие редакторы, издатели, как Бакланов, Крупин, Анджапаридзе. В издательстве «Советская Россия» предлагают выпустить книги «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну».

Отрывки из романа о Колчаке «Заглянуть в бездну» хочет опубликовать в «Юности» и Андрей Дементьев. Должен сказать, что это не исторический роман. Колчак интересует меня не как военачальник и политический деятель, вождь белого движения, а как человек. Ведь это очень ин-

затель, гулаговский, опыт во всех смыслах, должны наконец сделать из него какие-то выводы.

К чему хорошему может привести противостояние? Мы это наглядно видим. Но у русской интеллигенции прошлого была гораздо более высокая культура взаимоотношений. Например, Хомяков до конца своей жизни был ближайшим другом Чаадаева, и тот относился к нему с огромной нежностью, несмотря на крайнюю противоположность их взглядов и позиций. Почему эти два человека, две взаимоисключающие личности умели находить общий язык хотя бы в общении, а мы этого не можем?

Вот и я сейчас постоянно слышу то с одной, то с другой стороны: «Этого не печатай, с этим не знайся». Но не надо мне и редколлегии навязывать свою расстановку сил, свое противостояние. У нас одно мерило — качество. Писателя отличает

тери трем португальским детям еще до Октябрьской революции. И Фатима предрекла им, что произойдет в России. Определила и примерный срок, как ни парадоксально, нынешние годы — когда придет для всего мира спасение из России, возрождение духовное.

И теперь на Западе наряду с непотребной русофобией появилось абсолютно неоправданное русофильство, и очень сильное. Левые круги в большинстве — русофилы. Впрочем, я не понимаю ни того, ни другого. Я люблю приводить фразу философа Герцля. Когда его спросили, каков его еврейский идеал, он сказал: «Я хочу, чтобы евреи были как все». Вот и я хочу, чтобы русские были как все. Они не рабы, но и не спасители человечества. Они — один из народов на Земле.

Беда русского народа в том, что он молодой, ему всего тыся-

— Во-первых, я уехал на Запад не по своей воле. Живу я действительно неплохо, но не считаю это роскошью — так должны жить все, и я искренне желаю такого уровня жизни каждому советскому человеку. Вот почему и делюсь некоторыми своими взглядами, исходящими из личного и исторического опыта. Тем более что убедился в существовании в России реальных разумных сил, способных на положительные преобразования в стране.

Взять хотя бы результаты последних выборов. Они продемонстрировали, что базы для национализма в России нет. Ведь блок патриотических движений России получил ничтожно малое количество голосов. Кто бы мог подумать, что даже Илья Глазунов на выборах проиграет! А ведь, согласитесь, программа патриотических сил — это не программа «Памяти». Она более широкая, более приемлемая по терминологии, содержит немало разумного. Что же касается самой «Памяти», то, по-моему, вы сами сделали ей рекламу. Это движение не имеет массовой поддержки, а тем не менее получило мировую известность.

Узнав о результатах выборов, я был просто восхищен моральным здоровьем нашего народа, о котором бог знает что понаписывали...

Вместе с тем, когда я слышу «русский народ», мне хотелось бы уточнить: мы — россияне. Как я уже говорил, раньше в паспорте стояло: «российский подданный». Ведь действительно, у нас с Петра III весь царствующий двор — немцы. Наша аристократия от Юсуповых до Ростопчиных — татары. Что же, теперь вспоминать, что Лермонтов — шотландского происхождения, а Пушкин вообще «из черных»? Россия — это котел, где перемешивалось все. Важно не то, что ты по происхождению, а то, исповедуешь ли ты принципы русской культуры, близки ли тебе ее ценности, ее история.

И когда я читаю у Станислава Куняева, человека талантливого, в статье в «Молодой гвардии»: «Наум Коржавин (Мандель)», это уточнение, по-моему, уже интеллигентно, некорректно. Если бы все наши националисты, вместе взятые, так любили Россию, как Мандель, счастлива была бы наша страна! На Западе в определенных кругах пропаганда русской культуры, истории, ее защита очень дорого обходятся. И судьба Наума Коржавина это подтверждает.

На мой взгляд, не существует лабораторно чистого вида и типа русского человека, но есть россияне — умный, могучий народ.

— Этот ваш приезд в Москву — первый после шестнадцати лет разлуки с Родиной. Будут ли другие визиты и возможно ли, чтобы вы вернулись в родные края совсем?

— Я всегда был бы готов вернуться. Но меня, во-первых, никто не приглашает.

Я знаю про указ, согласно которому все, что незаслуженно было лишено гражданства, могут обратиться в соответствующие органы и попросить о его восстановлении. Но я не писал заявления о том, чтобы меня лишили гражданства, почему же теперь должен писать заявление, чтобы это гражданство восстановили?

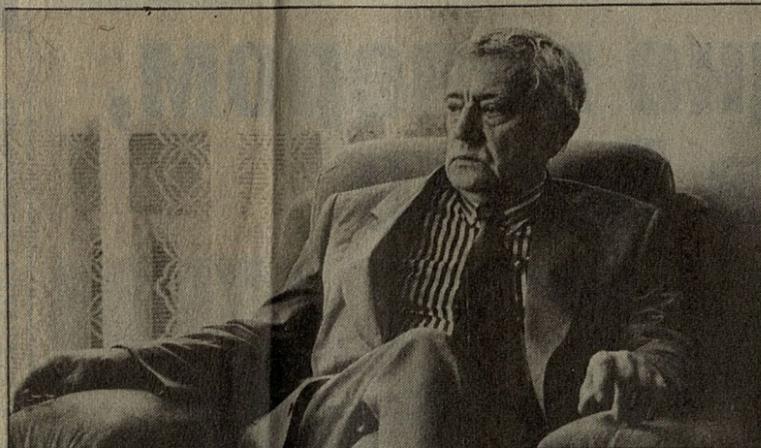
Кроме этого, есть еще одно препятствие к возвращению на ближайшие четыре-пять лет. Дети должны доучиться, сформироваться как личности и сами решить, кем они хотят быть и где жить.

Что же касается меня лично, я бы и сейчас, при всех трудностях сегодняшней ситуации в стране, был бы готов вернуться. Главный вопрос в том: нужен ли я здесь?

Беседу вела Л. ФОМИНА.

Всегда и везде остаюсь россиянином

Наш собеседник — Владимир Максимов

там — как стереокино: вроде все видишь, все близко, объемно, осязаемо, но все-таки ты вне этого. Подобно тому, как точно сказал о себе Бродский, я переместился лишь в пространстве.

Но не могу сказать, что, приехав в Москву, я испытал чувство возвращения домой. Побывав в местах, с которыми связаны многие воспоминания, греющие душу, обнаружил, что дома в Сокольниках, где я родился, уже нет, многое снесено, перестроено. Хотя, конечно, радуется встреча с друзьями, оставшимися верными друзьями.

— А какой вы нашли саму Москву?

— Трудно сказать в нескольких словах. В воспоминаниях Цветаевой есть эпизод о встрече с двумя сестрами, с которыми она дружила до революции, а затем встретилась спустя уже несколько лет после нее. В прошлом это были красавицы, умницы, вокруг которых всегда собиралось блистательное общество. При новой встрече она сестер не узнала. Цветаева очень точно обозначила свое впечатление: их лица были как бы присыпаны пеплом. Вот и у меня такое ощущение, словно в Москве все присыпано пеплом, на всем какой-то налет тления. Хотя, возможно, пожив здесь подольше, я воспринял бы город иначе.

— Но ваше пребывание в Москве не столь уж продолжительно, и каждый день расписан буквально по минутам. Какие деловые вопросы вы планируете решить во время этого визита? Сможем ли мы прочесть в ближайшее время ваши произведения и где?

— В первую очередь мне бы хотелось встретиться со своими читателями, определить, действительно ли мои произведения здесь нужны. Поэтому различных бесед, встреч, вечеров очень много — в студенческой аудитории, в редакциях журналов, в Центральном Доме литераторов. Есть масса предложение-

тересная и крупная личность. Все забыли, что он был весьма известным ученым, исследователем, действительным членом Российского географического общества, что по нынешним меркам соответствует званию академика. Его именем был назван остров в Северном море. Помимо своей воли Колчак был вовлечен в русское кровавое противостояние. И мой роман — о любви и одиночестве на фоне того распада, который происходил тогда в России.

На всех встречах, в своих выступлениях я говорю, что у меня одна историческая концепция: в том, что случилось с нами, виноваты все и никто. Мы одновременно жертвы и палачи. И нечего искать виноватых — ни в Сталине, ни в Ленине, ни в ком.

— А у нас сейчас как раз идет активный поиск тех, кого можно обвинить в дестабилизации власти, в развале экономики, в падении морали и нравственности, в потере духовности и многих других бедах. В это втянуты ученые, политики, писатели, что вы уже, очевидно, успели почувствовать. И у каждого — свои претенденты на место у позорного столба.

— Когда мы получили возможность издавать «Континент», нас тоже пытались втянуть в игру «правые-левые». Мы ведь увозим в эмиграцию советскую психологию, всю расстановку сил. Там, по сути, микромир того же советского общества.

Но в свое время член нашей редколлегии Владимир Буковский, выступая перед аудиторией, в ответ на вопрос, с кем мы, ответил очень хорошо: «Мы — не из правого лагеря, мы — не из левого лагеря, мы — из концлагеря». Я бы поставил эти слова эпиграфом к «Континенту».

Дело ведь не в том, что Буковский, я или кто-то еще действительно прошли через лагерь. Люди, народ, общество, имеющие такой горький, можно ска-

лишь то, что он пишет и как он пишет.

Многие писатели, с которыми меня связывает давняя дружба, активно печатаются в журнале «Грани», выступали на вечере этого издания в ЦДЛ. А ведь «Грани» — зеркальное отражение «Нашего современника», придерживаются той же программы, взглядов, идей. Так почему же уважаемые мной люди в данном случае не придерживаются принципов, которые пытаются навязать мне?

— Одной из главных причин сегодняшнего раскола, в особенности в литературных кругах, стал так называемый «русский вопрос» — происходит ли унижение, ущемление, порабощение русского народа, или он раб по своей натуре, или это рабство приписывается ему для достижения определенных целей в политической борьбе? Каждая группа для подтверждения своих взглядов приводит конкретные доводы, призывает в свидетели классиков, бьет «аргументы» именами, цитатами, датами. Вы русский, живущий сейчас за границей. Каков ваш взгляд на данный вопрос?

— Сейчас действительно часто используют высказывания русских классиков для подтверждения своей политической концепции, и всегда можно найти подходящую цитату. Но высказанные парадоксы наших крупных интеллектуалов — это еще не довод в историческом анализе.

Крестьянин не был рабом. А с умом и талантом везде рискованно родиться — полистайте историю мировой культуры. И назовите хоть один бунт в истории человечества, который был бы осмысленным и гуманным! Почему-то у Чаадаева берут лишь одно высказывание, но в тех же письмах есть совершенно другие слова — о том, что Россия должна принести новый свет человечеству.

Сейчас много говорят о явлении Фатимы — Божьей ма-

ча лет. Когда уже сложилась культура и цивилизация Запада, мы еще только грамоте учились. Отсюда зачастую некритичное восприятие чужих идей. Некритично был воспринят марксизм, некритично сейчас воспринимают и пытаются воспроизвести на нашей почве западный опыт. Но ведь западные демократии очень отличаются друг от друга. И у нас есть свои национальные особенности, свой исторический опыт, которые надо учитывать.

Некритическое отношение к демократии может заманить в опасную ловушку. Мы уже оказались жертвами социального лозунга равенства и братства, который преследует человечество на протяжении долгого времени. На первый взгляд очень хороший и справедливый пафос: все равны, все братья, всем по ровну. Но Пестелю, который провозглашал подобные лозунги, надо было бы сначала запретить сечь своих крестьян, а он сам иногда этим занимался.

Меня очень настаораживает начавшаяся в стране кампания: все отобрать, все поделить. Ну, отобрали арбатские особнячки, поделили, ну, поставили на каждую дверь по двадцать звонков; ну, ввинтили на кухне по двадцать лампочек, а стали счастливей, решили ли жилищную проблему? Надо понять, те привилегии, которыми пользуется советская «элита», по западным меркам — нищенские. И разорив Четвертое управление — не поднимешь уровень медицины, а открыв для «широких масс» все склады — не оденешь и не накормишь народ. Не лучше ли все усилия направить на то, чтобы и поликлиники, и магазины, и бытовые объекты поднять до лучших образцов?

— Не все читатели воспримут положительно эти ваши слова. Нередко приходится слышать мнение: «Вот укатили за рубеж, живут там в роскоши и еще советы шлют, как и что нам здесь делать».